

Лифанов Н. А.

От гипотезы к фантазии

(Жих М. И. Ранние славяне в Среднем Поволжье. СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. 90 с.)

Идея написания данной рецензии была предложена мне редактором рецензируемой работы — историком из Казани А. В. Овчинниковым — в июле 2011 г. в личном письме. Форма предложения выглядела оригинально — предоставить свою фамилию для списка рецензентов без написания собственно текста. Ответ на него с моей стороны был отрицательным, и данный текст появился, таким образом, вопреки желанию автора и редактора. Первоначальный его вариант размещен в сети Интернет (Лифанов 2011).

Авторство рецензируемой монографии принадлежит молодому петербургскому исследователю М. И. Жиху, известному рядом своих сетевых публикаций весьма неоднозначного содержания и дискуссиями по их поводу. Взгляды М. И. Жиха вызывают определенную реакцию в среде знакомых с ними историков, однако до сих пор, насколько мне известно, не становились объектом научного анализа. Данная монография дает хороший повод для их детального разбора.

Название работы отражает оба декларируемых в ней положения — славянскую атрибуцию населения именьковской археологической культуры и интерпретацию упоминаемой в ряде раннесредневековых исламских историко-географических сочинений «реки славян» как Волги.

Первое из этих положений, судя по сноскам (с. 19), автор приписывает Г. И. Матвеевой. Между тем, в своих работах она была, как правило, осторожна в выводах¹ и лишь констатировала отдельные черты сходства именьковских и раннеславянских материалов. В ряде упомянутых М. И. Жихом на с. 19 его книги работ (Васильев, Матвеева 1986; Матвеева 1986; Богачев 1995) вообще нет ничего о славянской атрибуции первых. Прямое отождествление именьковской археологической культуры с праславянскими или просто славянскими племенами, популярное ныне главным образом в околонучной публицистике², впервые было сделано В. В. Седовым (Седов 1994: 315), причем на основании лишь общих соображений без серьезных археологических аргументов. Г. И. Матвеева склонилась к этой точке зрения лишь в конце своей научной деятельности (Матвеева 2004: 74–78).

Уровень владения М. И. Жиха археологическими источниками, в частности, материалами именьковской культуры, демонстрируется им самим на с. 21–22. Здесь автором дается ее краткая характеристика, что должно продемонстрировать его общее знакомство с предметом исследования. Однако, несмотря на наличие ссылок (сноски 20–25 на с. 21–23) на 15 работ 8 авторов, судя по

¹ Могу судить об этом не только на основании публикаций, но и многолетнего личного общения с Галиной Ивановой — моим научным руководителем в студенчестве и аспирантуре.

² См., например, (Овчинников 2009) и другие выступления этого автора в СМИ.

текстуальным совпадениям, скомпонована она лишь из цитат, взятых из одной работы В. В. Седова (Седов 2002: 249–253). Остальные публикации, очевидно, добавлены лишь для «солидности».

Заявляя, что «именьковская археологическая культура связана своим происхождением с пшеворской, зарубинецкой и черняховской, в рамках которых исследователи традиционно ищут [пра]славян» (с. 19), М. И. Жих выдает желаемое за действительное. С одной стороны, связь указанных археологических культур со славянами с позиций археологической науки остается до конца не определенной, однозначной славянской атрибуции не получила ни одна из них. С другой, анализ именковских материалов, несмотря на значительные объемы полевых исследований, вообще серьезно отстает от уровня изученности синхронных культур бассейнов Вислы и Днепра. Можно вполне согласиться с Д. А. Сташенковым, писавшим о внутренней неоднородности именковца и гетерогенности населения этой культуры. Им подчеркивается отсутствие четких решений целого комплекса принципиальных вопросов: о хронологических рамках культуры, ее генезисе, этнической принадлежности и судьбах (Сташенков 2005: 15–16, 46–48). В этой связи безапелляционное заявление М. И. Жиха, что «именьковская культура связана преимущественно с теми их районами, которые занимали [пра]славяне. В первую очередь — с регионом Верхнего Поднестровья» (с. 15), выглядит нелепо. Детальных сопоставлений именковских материалов с верхнеднепровскими никем не проводилось, а краткие выкладки Г. И. Матвеевой (Матвеева 1986: 161–163), во-первых, относятся не к именковской культуре, а во-вторых, сделаны лишь на основании публикаций. Непосредственно же с материалами с территории Украины Галина Ивановна никогда не работала.

Собственно, вся «археологическая» часть монографии, похоже, подчинена одной цели — поддержать гипотезу В. В. Седова о формировании волынцевской археологической культуры в результате переселения в Днепровское Левобережье именковского населения (с. 22), связав его тем самым с одной из славянских группировок. Автор не рассматривает альтернатив данной идее, будучи, очевидно, заранее уверен в ее истинности. Между тем, современными специалистами отмечается немало спорных моментов в генезисе волынцевца, среди которых именковское влияние даже не рассматривается, а ведущая роль отводится славянам — выходцам из земель к западу от Днепра (Гавриутхин, Обломский 1996: 131–133, 136; Обломский 2007: 5).

Заявляя, что данная гипотеза поддержана «мнением большинства археологов» (с. 22), М. И. Жих вводит читателя в заблуждение, так как среди таковых указывает работы В. Ф. Генинга и А. П. Смирнова, ничего подобного никогда не утверждавших. О. А. Щеглова также не разделяет этого «мнения», сводящегося, таким образом исключительно к В. В. Седову³.

Такой же тенденциозный подход виден и в отношении лингвистических материалов (с. 23–28). Принимая в целом выкладки В. В. Напольских о принадлежности реконструируемого им языка именковского населения

³ Можно было бы назвать еще О. М. Приходнюка (Приходнюк 1998: 75–76, 2001: 112), но в его монографиях данный тезис В. В. Седова поддерживается без какой-либо дополнительной аргументации.

к макробалтскому (балто-славянскому) языковому ареалу⁴, автор упрекает его в осторожности суждений и боязни безоговорочно признать именковцев «[пра]славянами». Каких-либо аргументов он не приводит. Вместо них следуют рассуждения о характере «именьковского языка» и возможности фиксации его реликтов у населения Левобережной Украины.

Отношение автора к использованию нарративных источников тоже вызывает ряд замечаний. Его идея об этнониме «словене» как самоназвании именковцев (с. 28–29) целиком базируется на шатких предположениях, кого же мог назвать словом «с.л.виюн» правитель Хазарии в середине X в. Здесь автор следует за Е. С. Галкиной,⁵ которая видит в носителях этого имени... ранних башкир (Галкина 2006: 343–345). Вариант, в котором этот термин означает достоверно славянское население западной части Восточноевропейской равнины, М. И. Жихом отброшен изначально.

Упомянутый в книге эпизод с болгарским посольством в Багдад (с. 32–33) приводится автором по неполному и искаженному пересказу сообщения о нем у А. Я. Гаркави (Гаркави 1870). Данное посольство прибыло в столицу Халифата в июле 1042 г. по пути в Мекку. В числе спутников посла был хорезмиец Йала б. Исхак, который и сообщил интересующие халифский диван данные о болгарях: «Это народ по происхождению между тюрками и славянами, и страна их на окраине тюркских стран» (Кляшторный 2001: 59–60; Кляшторный, Старостин 2002: 217). Как видно, ни о какой декларируемой М. И. Жихом «тюрко-славянской смеси» речь не идет, и данный аргумент ничтожен.

Утверждение автора, что-де «в описании Ибн Фадланом быта жителей этой страны имеются как элементы кочевой жизни (юрты), так и оседлой (дома, земляные ямы для хранения зерна и т. д.)» (с. 33), не сопровождается сноской на источник, и это не случайно. О жилищах болгар в «Записке» Ахмада б. Фадлана имеется четкие данные: «Все они (живут) в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая» (Крачковский И. Ю. 1939: 73). Никакие «ямы для хранения зерна» в «Рисале» также не упомянуты: речь там идет о неких «колодцах», в которые «складывают пищу»; но здесь арабский автор делает любопытное примечание о том, что пища эта хранится не более нескольких дней, после чего портится. Имеется в виду явно не зерно, а скорее продукты животного происхождения. Если же М. И. Жих так хотел показать существование у болгар земледелия, то отчего он не привлек содержащиеся здесь же четкие указания на наличие у них проса, пшеницы и ячменя «в большом количестве», которые они сами сеют и убирают (Крачковский 1939: 72)? Не помешало ли недостаточное знакомство с данным источником?

На с. 33–34 М. И. Жих повторяет «интерпретацию» Е. С. Галкиной кыргызской этногенетической легенды, переданной Абу Саидом Гардизи. Сведения

⁴ Здесь необходимо заметить, что они не получили поддержки у лингвистов. Так, по мнению Е. А. Хелимского, праславянско-пермские этимологии В. В. Напольских или неприемлемы, или могут интерпретироваться на основе допущения контактов прапермяков с крайне-восточными балтами. К сходной интерпретации теперь склонился и сам В. В. Напольских (Аникин 2005: 20–21).

⁵ В ее книге эта идея тоже никак не аргументирована. Это же касается и всего блока интерпретаций этнонимов, упомянутых в связи с рекой Атиль. Е. С. Галкина в своих работах легко создает столь же «впечатляющую», сколь и фантастичную картину расселения народов Восточной Европы.

легенды крайне невняты и могут быть интерпретированы только при наличии буйной фантазии. Относительно упомянутой на с. 34 «археологически установленной миграции в VI–VII вв. части именьковского населения в Закамье — в земли племён, принимавших участие в этногенезе башкир»⁶ автору не мешало бы свериться со статьей Е. П. Казакова (Казаков 1996), на которую он «ссылается» вслед за Е. С. Галкиной. Ни о какой миграции именьковцев в Закамье в ней и речи нет. Интересно, что и Е. С. Галкина, и М. И. Жих в сноске на данную статью указывают все страницы сборника, на коих она размещается — всего числом 18, включая иллюстрации. Это наводит на мысль, что «цитируемую» статью они просто не читали⁷.

Второе декларируемое в книге М. И. Жиха положение обосновывается данными давно и хорошо известных историкам средневековых восточных письменных памятников. Впрочем, уже на с. 17, до приведения аргументации, автор становится на позицию атрибуции «реки Атиль» средневековых восточных источников исключительно как Волги.

Цитируемые на с. 35 и далее сведения исламских историко-географических сочинений, касающиеся «реки славян», комментировались специалистами неоднократно. Рассуждения М. И. Жиха по поводу этой проблемы основываются, в общем-то, не на анализе скудных источников, а на высказывавшихся в литературе (исключительно русскоязычной) мнениях. При этом очевидно, что наибольшее значение для автора имеет опять же позиция Е. С. Галкиной, ссылки на работы которой наиболее многочисленны⁸. Все поднимаемые спорные источниковедческие и историографические вопросы аксиоматично решаются М. И. Жихом в пользу ее взглядов.

Качество анализа восточных письменных источников в работах Е. С. Галкиной и М. И. Жиха стоит оценить специалистам-востоковедам. Рецензент обязан лишь отметить крайнюю сложность и дискуссионность проблемы атрибуции «славянской реки», принципиальную невозможность ее безоговорочной связи с каким-либо из водных потоков на современных картах⁹. Разные отрезки различных рек¹⁰ у разных средневековых авторов часто носили одно и то же

⁶ Какие «племена» имеются в виду, непонятно. Однако следует констатировать слабое знакомство как Е. С. Галкиной, так и М. И. Жиха с географией Волго-Уральского региона: Закамье и Южное Приуралье (где в действительности и происходило формирование башкирского народа) — различные, хотя и соседние регионы.

⁷ Это фиксируется как в книге Галкиной 2002 г., так и в упомянутых М. И. Жихом последующих ее работах, где ссылка на эту статью используется для обоснования не имеющих отношения к ее тексту тезисов.

⁸ Анализ ссылок автора на литературу выглядит очень показательным. Всего в книге имеются ссылки на работы 70 авторов (в том числе — средневековых). Из них половина (35) упомянуты лишь по одному разу. Наибольшее же количество ссылок (38) сделано на работы Е. С. Галкиной, далеко опережающей в этом своих ближайших «соперников» — В. В. Седова и А. П. Новосельцева (несмотря на меньшее по сравнению с ними количество публикаций).

⁹ Эта мысль четко выражена Т. М. Калининой и И. Г. Коноваловой. Остается лишь процитировать их слова: «не будем умножать мало доказательные теории» (Джаксон и др. 2007: 162).

¹⁰ И другие географические объекты — см. приводимые М. И. Жихом на с. 45–46 и 52 примеры с названием «Румийское море».

название, и данные одних источников для понимания событий, описанных в других, без привязки к конкретной исторической ситуации могут быть бесполезны.

Действительно, «славянские реки» ал-Гарнати и б. Хордадбеха (Жих 2011: 43 и 49) не тождественны друг другу, охватывая разные участки Волги. Судить, именовалось ли так ее среднее течение в период накопления данных для труда б. Хордадбеха (и тем более — в VIII в.), на основании привлекаемых письменных источников невозможно.

Понимание этого вроде бы демонстрируется автором на с. 44–45 его книги. Однако стремление его увязать разрозненные известия в единую картину слишком велико. В результате у М. И. Жиха разные «славянские реки» оказываются связаны лишь «с бассейном Волги». Связь для автора, очевидно, достаточная, так как более, несмотря на обещание «дальнейшего анализа», он к проблеме соотношения сведений различных источников уже не возвращается. Все его дальнейшие рассуждения подчинены другой цели — показать, что под «славянской рекой» в труде Ахмада ал-Куфи понимается исключительно Волга в ее среднем и нижнем течении.

Поскольку возможности письменных источников оказываются исчерпаны¹¹, а результат — неутешителен, основным (а по сути — единственным) аргументом выступает наличие на Волге славянского (т. е. именьковского) населения (с. 57). «Славянство» последнего из гипотезы (с. 19) чудесным образом превращается в факт.

Подводя читателя к главной идее, касающейся интерпретации «славян» в трудах исламских авторов, сообщающих о походе на Хазарию Марвана б. Мухаммада, М. И. Жих не утруждает себя подробным разбором существующих гипотез. Так, взгляды авторов, в разных вариантах демонстрирующих возможность северокавказской локализации похода Марвана (Котович 1986: 199, 209–211; Гараева 2001: 18; Тортика 2006: 289–293)¹², просто игнорируются.

Версию же о донской атрибуции «славянской реки» сочинений ал-Куфи и ат-Табари, разделяемую А. П. Новосельцевым (Новосельцев 1990: 185–186), М. И. Жих отрицает, во-первых, на том основании, что «в ранней арабо-персидской традиции Верхний и Средний Дон был известен, как “Русская река”» (с. 50), подкрепляя этот тезис гипотезой Е. С. Галкиной о существовании в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона «государства алан-русов, известного в западноевропейских и восточных источниках как Русский каганат». В качестве другого аргумента М. И. Жихом избрано положение о «небольшом по сравнению с Волго-Камьем количестве атрибутированных как славянские памятников в Среднем и Нижнем Подонье» (с. 57) со ссылкой на монографию А. З. Винникова (Винников 1995).

Первый из приведенных выше «аргументов» с точки зрения археолога — крайне слабо аргументированная псевдонаучная фантазия. Второй же приводит, мягко говоря, в недоумение, поскольку в книге уважаемого воронежского археолога вообще не идет речь о нижнем течении Дона; а на странице,

¹¹ Привлечение известия б. ал-Факиха никак не повлияло на интерпретацию «реки славян» по б. Хордадбеку.

¹² Склонялся к этому и В. В. Бартольд (Бартольд 1963: 870, 1968: 597–598).

на которую М. И. Жихом сделана ссылка, отсутствует информация, которая позволила бы сделать такое заключение. Не возьмусь судить о количестве раннеславянского населения бассейна Дона в 737 г., но проблема проживания в этот период именьковского населения на Средней Волге входит в круг моих непосредственных профессиональных интересов. Она была разобрана в специальной публикации (Лифанов 2010: 306–308): возможность такого представляется ничтожной. Впрочем, М. И. Жих признает, что «в VII в. именьковская культура прекратила своё существование» (с. 22), поэтому в качестве «славян», разгромленных арабской армией, предлагает неких гипотетических «потомков носителей именьковской культуры» (с. 57).

В 1950–1960-х годах, действительно, археологами допускалось сохранение таковых в Поволжье вплоть до эпохи существования Волжской Болгарии (Калинин, Халиков 1954: 44; Жиромский 1958: 448; Ефимова 1962: 26; Смирнов, Трубникова 1965: 27). Со времен исследований I Больше-Тарханского могильника (Генинг, Халиков 1964: 140, 153) можно определенно констатировать отсутствие объективных данных для этой гипотезы. В последние годы она поддерживалась авторитетом В. В. Седова лишь на основании предположения (за 50 с лишним лет исследований так и не подкрепленного фактами) о включении гипотетических потомков именьковцев в состав населения Волжской Болгарии¹³. Только это предположение позволило С. Г. Кляшторному выдвинуть гипотезу о встрече в 737 г. арабской армией славян у самарской излучины Волги (Кляшторный 2001: 58–59; Кляшторный, Савинов 2005: 70–71)¹⁴.

Собственно, эту мысль С. Г. Кляшторного и повторяет М. И. Жих, ничего не добавляя в нее от себя, кроме новых допущений и предположений. Так, в качестве аргумента в пользу маршрута арабской армии от Самандара к низовьям Волги он указывает на смысловое сходство названий «ал-Байда» и «Сарашен» (Сарыгшин) (с. 60–61). Впрочем, сам же автор пишет о распространенности поселений с «белыми» названиями на территории Хазарии. Это могли быть и разные города, и названия одного и того же — например, Самандара (Новосельцев 1990: 128); не исключена возможность, что «ал-Байда» является названием кочевой ставки хазарского кагана (Гараева 2002: 449). Интерпретация ал-Байды как «одной из частей Итиля» отнюдь не единственная. М. И. Жиху следовало бы обосновать свой тезис более развернуто, а пока его аргументы сводятся к фразам: «судя по всему, ал-Байда находилась севернее Самандара» и «каган ... бежал, очевидно, на север вдоль волжских берегов» (с. 60–62) (подчеркнуто мною. — *Н. Л.*). А ведь именно на этом основании им утверждается, что в сообщении ал-Куфи «под “Славянской рекой” с очевидностью понимается Волга» (с. 61). Точно таким же необоснованным допущением является и фраза «Марван достиг тех мест, где проживали славяне — потомки носителей именьковской культуры» (с. 62).

¹³ Конкретизация аргументов выходит за рамки данной рецензии, однако давно заслуживает отдельной статьи.

¹⁴ Впервые подобная возможность допускалась этим исследователем еще в начале 1960-х гг. (Кляшторный 1964: 16–18). Ныне С. Г. Кляшторный выступил с положительной рецензией на книгу М. И. Жиха (Кляшторный 2011), к сожалению, не проведя детального анализа ее текста.

Более того, идея С. Г. Кляшторного развивается М. И. Жихом фактически до абсурда: «в порядке рабочей гипотезы» он полагает, что «потомки именьковцев» не только благополучно существуют в Поволжье до X в., но даже имеют там собственное государственное образование, откуда проникают в низовья Волги и на Северо-Восточный Кавказ (с. 71). Интересно при этом, что достоверно существовавшему государству волжских болгар автор в такой возможности отказывает, ссылаясь на удаленность его от Кавказа (с. 69).

Весьма сомнительным «лингвистическим» предположением является интерпретация автором «реки ар-Р.мм» сообщения Халифы б. Хаййата как «искаженного варианта названия Волги, которая в античной традиции была известна как Ра» (с. 64). Ссылки на работы А. В. Подосинова и Т. М. Калининой этого утверждения никак не подтверждают. Более того, этими авторами данный вариант вообще не допускается (Джаксон и др. 2007: 161).

В свете всего сказанного дальнейший пересказ М. И. Жихом разрозненных источниковых данных, позаимствованных им из вторых рук и, по его мнению, подтверждающих факт проживания неких славян на Кавказе, не имеет принципиального значения.

Редактором рецензируемой монографии А. В. Овчинниковым прокламируется междисциплинарный характер рецензируемой книги, который, по его мнению, объясняет наличие в ней «дискуссионных моментов». С этим можно было бы согласиться, обладай ее автор фундаментальными познаниями сразу в нескольких различных научных дисциплинах (в историческом источниковедении, археологии, лингвистике) и умей ими грамотно пользоваться. Однако оснований для такого вывода в тексте книги, на мой взгляд, нет. Кроме того, можно констатировать практически полное отсутствие в ней оригинальных научных идей. Взяв за основу крайне сомнительные с точки зрения археологии гипотезы С. Г. Кляшторного и В. В. Седова и дополнив их фантазиями Е. С. Галкиной, автор создал произведение в духе школьного или студенческого реферата. Рассматривать эту публикацию в качестве научной нельзя.

Литература

- Аникин А. Е.* 2005. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск: Наука.
- Бартольд В. В.* 1963. Славяне // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. I. М.: Изд-во восточной литературы, 870–872.
- Бартольд В. В.* 1968. Хазары // Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М.: Изд-во восточной литературы, 597–601.
- Богачев А. В.* 1995. О верхней хронологической границе именьковской культуры // Матвеева Г. И. (ред.). Средневековые памятники Поволжья. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 16–22.
- Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во.
- Винников А. З.* 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). Воронеж: Изд-во Воронежского университета.
- Галкина Е. С.* 2002. Тайны Русского каганата. М.: Вече.
- Галкина Е. С.* 2006. Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н. э.). М.: Прометей.

- Гараева Н. Г.* 2001. К проблеме распространения ислама на территории России (анализ сведений арабских историков) // Мухаметшин Р. М. (ред.). Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань: Мастер-Лайн, 6–22.
- Гараева Н. Г.* 2002. Сведения арабских и персидских историков о походах к северу от Дербента (22/642-43 и 119/737 гг.). 2002 // Хамидуллин Б. (ред.). История татар с древнейших времен. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 440–471.
- Гаркави А. Я.* 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.* 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М: ИА РАН.
- Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* 2007. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур; Знак.
- Ефимова А. М.* 1962. Городецкое селище и болгарское городище у с.Балымеры Татарской АССР. М.: Наука (МИА 111).
- Жирумский Б. Б.* 1958. Древнеродовое святилище Шолом. М.: Наука (МИА 61).
- Жих М. И.* 2011. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань: Вестфалика.
- Казаков Е. П.* 1996. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Сташенков Д. А. (ред.). Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 40–57.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* 1954. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия исторических наук. Казань.
- Кляшторный С. Г.* 1964. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М.: Наука.
- Кляшторный С. Г.* 2001. Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект // Хузин Ф. Ш. (ред.). Великий Волжский путь. Казань: Мастер-Лайн, 56–60.
- Кляшторный С.* 2011. Отзыв на работу Максима Ивановича Жиха Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников) // <http://suzhdenia.ruspole.info/node/1829>.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* 2005. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Кляшторный С. Г., Старостин П. Н.* 2002. Праславянские племена в Поволжье // Хамидуллин Б. (ред.). История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 210–217.
- Котович В. Г.* 1986. Из истории Дагестана (середина VII — первая половина VIII в. // Марковин В. И. (ред.). Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 198–213.
- Лифанов Н. А.* 2010. Еще раз о «славянах» на Волге и арабском походе на Хазарию // Васильев Д. В. (ред.). Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Астрахань: Изд-во Астраханского ун-та, 305–309.
- Лифанов Н. А.* 2011. Рецензия на представленную в печать монографию М. И. Жиха «Ранние славяне в Волго-Камье» (СПб; Казань, 2011) // http://vkontakte.ru/notes626531#/note626531_11235049 (2011. 30 июля).

- Матвеева Г. И.* 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н. э. // Матвеева Г. И. (ред.). Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского ун-та, 158–171.
- Матвеева Г. И.* 2004. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: Изд-во Самарского ун-та.
- Новосельцев А. П.* 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука.
- Обломский А. М.* 2007. Структура населения Лесостепного Поднепровья в 7 в. н. э. // Археологічний літопис Лівобережної України 1–2, 3–12.
- Овчинников А.* 2009. Славянское присутствие // <http://rusk.ru/st.php?idar=114192> (2009. 27 мая).
- Приходнюк О. М.* 1998. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.
- Приходнюк О. М.* 2001. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ-Чернівці: Прут.
- Крачковский И. Ю.* (ред.). 1939. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий. М.; Л: Изд-во АН СССР.
- Седов В. В.* 1994. Славяне в древности. М.: Фонд археологии.
- Седов В. В.* 2002. Славяне: историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры.
- Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* 1965. Городецкая культура. М.: Наука.
- Сташенков Д. А.* 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н. э. М.: ИА РАН.
- Тортика А. А.* 2006. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков: Харьковская гос. академия культуры.